

УДК 352(571.5)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.28.6>

Особенности казачьего самоуправления в Восточной Сибири в конце XVII – первой четверти XVIII в. (на примере Первой и Второй Красноярских «шатостей»)

А. А. Чернышева

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Россия*

Аннотация. Сибирь с её бескрайними просторами и природными богатствами рассматривалась верховной властью в качестве безусловной вотчины. Казаки и воеводы использовались как опора, с помощью которой центральная власть проводила свою политику. Но время от времени в цепочке «верховная власть – местная власть – мирские организации» происходили сбои. Местная власть хоть и была заинтересована в служилом казачестве, очень часто вступала с ним в противоречия. Служилые люди защищали себя, свои сословные интересы и корпоративные права, и не только от притязаний алчных воевод. Решения верховной власти, противоречащие и наносящие урон сословным интересам казачества, требовали большой гибкости и немалой смелости для их защиты. На этой почве происходили социальные конфликты, плавно перерастающие в восстания, протестные движения. В статье рассматриваются социально-политические движения конца XVII – первой четверти XVIII в., в том числе почти не известная науке Вторая Красноярская «шатость» 1716–1722 гг., столкновение служилого казачества с местными властями в лице лихоимца Дмитрия Зубова. Именно в периоды социальной напряженности, когда антагонизм противоборствующих сторон достигал наивысшего предела, наиболее ясно прослеживаются тенденции к самоуправлению служилого казачества. Анализируются диалектика казачьего самоуправления, нередко подменявшего самоуправление других сословий. Показаны усложнение взаимоотношений местной администрации и служилого войска и их особенности в условиях Петровских реформ и складывающегося абсолютизма.

Ключевые слова: казачье самоуправление, Красноярские «шатости», тактика, абсолютизм, служилые люди, воевода.

Для цитирования: Чернышева А. А. Особенности казачьего самоуправления в Восточной Сибири в конце XVII – первой четверти XVIII в. (на примере Первой и Второй Красноярских «шатостей») // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 28. С. 6–16. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.28.6>

Для всех поколений актуальна проблема сотрудничества власти и общества, государственной власти и самоуправления в рамках общественно-политических отношений.

Современное российское, в том числе сибирское, казачество до сих пор в поиске своего места и роли в нашем быстро меняющемся мире. По мнению некоторых обществоведов, ошибочно воскрешать одну из архаичных форм былой общественной организации. С другой стороны, казачье служилое сословие наиболее полно выступало носителем такой базовой черты русского национального характера, как жертвенный патриотизм.

В XVII в. на вновь присоединенных территориях верховная власть была представлена назначаемыми ею воеводами со служилыми людьми. Воеводская власть являлась неотъемлемой частью системы органов государственной власти и управления. В то же время в Сибири (в частности, на востоке от Енисея), находившейся на большом расстоянии от центра, вводилось и разрешалось местное самоуправление. Воеводы в силу необходимости вынуждены были считаться с мнением мирских организаций, главная роль в которых принадлежала служилому войску. Как следствие этого, складывались своеобразные отношения центральной власти, местного управления с местными сословными сообществами.

В отечественной историографии основное внимание уделялось Западной, нежели Восточной Сибири. Существуют различные подходы к данной проблематике. Изучая характер самоуправления служилых людей в Сибири, историки приводят противоположные точки зрения. Представитель дореволюционной историографии Н. Н. Оглоблин, исследовав события Первой Красноярской «шатости» 1695–1698 гг., пришел к выводу, что сибирские служилые люди «...пользовались фактически значительной долей независимости и самостоятельности» [12, с. 26]. Подход Н. Н. Оглоблина к указанной теме был развит многими советскими историками. Так, в «Очерках по истории Красноярского уезда» С. В. Бахрушин, анализируя события «красноярской смуты» 1695–1698 гг., писал о наличии войскового самоуправления [3, с. 184], но считал несколько неточным утверждение Оглоблина о демократизме состава выборных «судеек». По Бахрушину, наибольшее влияние на ход восстания оказывали дети боярские, которые, по сути дела, легализовали по отношению к центральной власти действия восставших и «коллегии судеек» [3, с. 181].

В капитальном комплексном исследовании по XVII–XVIII вв., проведенном в конце 40-х – середине 60-х гг. XX в., советский историк-экономист В. Н. Шерстобоев отмечал, что у илимских служилых людей отсутствовало самоуправление. По мнению ученого, существовало три звена управления: государственное воеводское управление; целовальники, не обладавшие административными правами, и мирское крестьянское самоуправление. Все вышеперечисленные уровни власти составляли единую систему под руководством воеводы [14, с. 120].

В 1975 г. вышла в свет монография Н. А. Миненко «Северо-Западная Сибирь в XVII – первой половине XIX в.», в которой уделяется особое внимание специфике самоуправления в Сибири. Миненко пишет, что казачеству была свойственна широкая самостоятельность. Например, казаки проводили общие собрания, выбирали начальников, давали «выбор», подавали

челобитные [10, с. 225–226]. По словам автора, казачество составляло большую часть населения Березова и Сургута, поэтому являлось «единственной реальной силой, на которую опирались местные власти. В этих условиях возникала атмосфера относительной независимости горожан от управителей и чиновников» [10, с. 223].

В постсоветское время В. А. Александров и Н. Н. Покровский, комплексно анализируя различные аспекты власти и общества в Сибири XVII в., тоже писали о большой самостоятельности служилых людей. На территории Сибири служилые выполняли многообразные функции. Благодаря сильно развитой корпоративности казачество, по мнению историков, систематически боролось против самовластия воевод [1, с. 106].

Авторы монографии «Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в.» соглашаются с Н. Н. Покровским и В. А. Александровым, доказывая наличие в казачьей среде традиций самоуправления, проявляющихся в назначении угодных и неугодных начальников, в особом мнении касательно указов Петра I [8, с. 19]. В итоге авторы заключают, что «с таким самостоятельным народом желательно было сотрудничать, а не ссориться» [8, с. 20].

Вместе с тем в Новейшее время ряд ученых, апеллируя к официальным служебным установкам центра, не склонны преувеличивать роль казачьего самоуправления. Так, в диссертационном исследовании «Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды)» П. Н. Барахович утверждает, что единственным официально допущенным проявлением казачьего самоуправления являлись выбираемые в походах есаулы. Он полагает, что «Александров В. А. и Покровский Н. Н. несколько преувеличили роль самоуправления служилых людей. В их совместной монографии есть моменты, когда мотивами социальной борьбы оправдывается преступное неповиновение начальству в ходе боевых действий из-за жажды наживы» [2, с. 98]. В этом случае следует учесть мнение Н. А. Миненко, которая считает, что «основой беспорядков и произвола являются не свойства личности, а особенности системы управления» [10, с. 221].

Столичный же историк Н. И. Никитин, рассматривая различные взгляды на социальную природу казачьих сообществ на окраинах России XVI–XVII вв., выдвигает совсем иную версию. По его мнению, общественное устройство вольного казачества напоминает социально-политическую структуру доклассового общества периода военной демократии. Ученый сравнивает атамана с военным вождем, казачий круг – с народным собранием, выделяет личную свободу, поголовное вооружение и распределение военной добычи [11, с. 176]. Он считает ранние казачьи общины своеобразным рудиментом дофеодальных времен, а не олицетворением грядущих демократического типа социальных отношений [11, с. 180]. Это, возможно, справедливо в отношении самовольных сообществ на территориях типа фронта, но вряд ли можно отнести к Сибири, в которой казачество формировалось властью «как государева служилая рать».

С точки зрения сибирских исследователей А. Р. Ивонина и Ю. М. Гончарова, в XVII в. «...служилая организация отличалась дуализмом. С одной стороны, её поддерживало государство, поскольку это облегчало решение

вопросов управления, поддержания дисциплины, контроль над воеводами. С другой стороны, организация была лучшим способом социальной защиты самих казаков» [8, с. 19].

Благодаря недавно обнаруженному уникальному комплексу архивных документов «Материалы следственного дела по Второй Красноярской “шатости”» на примере Красноярска первой четверти XVIII в. появляется уникальная возможность проследить специфические взаимоотношения центральной власти и служилого мира, по сути являвшегося местным неофициальным самоуправлением в городе и уезде. В историографии Вторая Красноярская «шатость» практически не изучена. Впервые эти «Материалы следственного дела по Второй Красноярской “шатости”» были обнаружены Н. Н. Покровским. Он их бегло упомянул в совместной с В. А. Александровым монографии «Власть и общество. Сибирь. XVII в.» [1, с. 99]. Г. Ф. Быконя в статье «Кто основал Саянский острог – Илья Нашивошников или Илья Суриков?» и в комментариях к некоторым опубликованным документам в сборнике по истории Красноярска XVII – первой половины XIX в. кратко описал основные этапы восстания 1716–1722 гг. [6]. А. А. Чернышева в статье, посвящённой социальному составу участников малоизученного народного движения, анализирует особенности восстания и состав его участников в 1716–1722 гг. [13].

Таким образом, имеющиеся в специальной литературе различные подходы к трактовке масштабов и характера казачьего самоуправления в целом и в Сибирском регионе в том числе и наличие новых материалов делает обращение к этой теме актуальным и значимым.

В процессе огосударствления окраин петровская политика централизации государственной власти усложнила диалектику отношений воеводской администрации и местного самоуправления, особенно казачьего. С одной стороны, воеводская власть и служилое войско являлись звеньями государственной системы власти и управления. С другой стороны, данные элементы нередко взаимоисключали друг друга в условиях складывающегося абсолютизма. Местное самоуправление, которое отстаивало старые сословно-представительные начала, ограничивалось государственной властью в лице воевод. Естественно, служилые люди пытались отстоять свои сословные права и привилегии. Нередко на почве возникающих противоречий между взглядами служилого мира и местной администрации вспыхивали социальные конфликты. Именно в периоды социальных протестов казачество наиболее ярко проявляло свои общественно-политические взгляды, пытаясь проводить их через местное самоуправление. События Первой и Второй Красноярских «шатостей» наглядно демонстрируют, как олицетворяющие власть служилые люди превращались в «бунтовщиков».

На разных этапах отношения воевод и местных обществ обладали рядом отличий. В развитии политической жизни Сибири XVII – первой четверти XVIII в. отдельно можно выделить конец XVII в. Время, когда жители Сибири энергично боролись против нарастающей централизации власти, защищая свои сословные интересы и право самоуправления, минуя воевод-

скую администрацию. В условиях нарастающих абсолютистских тенденций тактика восставших стала более осторожной. Это проявляется при сравнении Первой со Второй Красноярской «шатостью». В конце XVII в. казаки поговаривали даже о предоставлении Красноярску независимости.

В исторической науке за событиями 1695–1698 гг. (1700) закрепилось название Первой Красноярской «шатости». В этом событии наиболее ярко проявилась полнота казачьего самоуправления. Н. Н. Оглоблин указывает на такие характерные особенности самостоятельности служилых людей, как организация «дум, советов и кругов»; дележ служилыми людьми захваченной добычи «в дуван»; учреждение собственной коллегиальной «судебной избы» с выбранными «судейками». Восставшие служилые люди смогли свергнуть воеводу и сформировать собственный орган самоуправления, представленный «советом» и всенародной «думою». Известно, что русское население идеализировало царскую власть, поэтому радикальные политические предложения по отделению Красноярска были отвергнуты [12, с. 29–30].

Осуществлялись также служилым самоуправлением присущие воеводам хозяйственно-распорядительные функции: для хозяйственных дел и кружечного двора был избран целовальник; с ясачного населения в государеву казну собирався ясак, с посадских и крестьян – оброчные деньги, а с торговых людей и промышленных людей – таможенные сборы; промышленные люди свободно отпускались на соболиные промыслы, наказывались злостные должники частных лиц [12, с. 34–35].

Примечательно, что в условиях складывающегося абсолютизма участники Первой Красноярской «шатости» не понесли наказания. Этот факт можно объяснить тем, что петровские идеалы образа местной администрации не совпадали с реалиями того времени и царь-реформатор скептически относился к деятельности прежнего воеводского управления [9]. Недаром представитель московской бюрократии думный дьяк Данило Леонтьев Полянский, принявший сторону воеводы, был отстранен от ведения следствия.

Причины Второй Красноярской «шатости» 1716–1722 гг. были традиционными, а вот повод и мотивы были несколько специфичными. Служилый мир, поднимая посадских, крестьян и ясачных против злоупотреблений красноярского воеводы Д. И. Зубова, стремился сузить движение до защиты своих узкосословных интересов и прав, а по возможности даже расширить их. В отличие от первой «шатости», отношения служилых с воеводой-лихоимцем осложнились приказом сибирского губернатора М. П. Гагарина, одобренным самим Петром I, возвести две крепости в Северном Присяянье в устье р. Хемчик и за Саянским хребтом, а также заселить их округи. Как установили В. Б. Бородаев и А. В. Контев, Петр I, дезинформированный М. П. Гагариным, ошибочно считал, что этим прокладывался путь к песошному и китайскому золоту [4]. Территориально хорошо осведомленные красноярские служилые люди считали в целом это решение утопичным, грозившим новыми обременительными службами и даже частичным переселением. Воевода же из столичных стольников Д. Зубов в служебном раже никого не слушал и настаивал на буквальном выполнении. Служилые по

сути дела отказывались выполнять указ, но на протяжении всего конфликта придерживались двойственной тактики. Строитель, красноярский сын боярский Илья Нашивошников (Суриков), с 300 казаками забраковали указанное в чертеже место, поставили острог в ином месте. Строитель, из-за позднего времени не достроив его, распустил казаков по домам, рассчитывая, что оставленный гарнизон достроит укрепления в следующем году. Дмитрий Зубов усмотрел в этом государственную измену. Как видим, казаки, руководствуясь целесообразностью, считали себя вправе корректировать решения даже верховной власти, полагая её введенной в заблуждение губернатором, чью ошибку усугубил карьерист, по словам князя М. П. Гагарина, «царедворец» Зубов, всячески форсируя строительство острога.

Чтобы избежать наказания и не рассчитывая убедить высшую власть в ошибках губернатора и договориться с амбициозным воеводой, Илья Нашивошников с единомышленниками решил избавиться от него, объявив об отказе в воеводстве.

В своих челобитных они утверждали, что действуют в интересах верховной власти против корыстолюбивой некомпетентной воеводской администрации, а в то же самое время защищали свои корпоративные сословные права, мотивируя их интересами государства.

Важно подчеркнуть, что значительными силами красноярских служилых людей возводился в 1707 г. Абаканский острог, для строительства которого поверстали более сотни местных посадских, крестьян и ссыльных. Это означало понижение значимости казачьего социального статуса, в то время как казацкие старожилы – «сибирене» стремились к наследственной передаче своих статусных должностей и окладов. На повестку дня был вновь поставлен острый вопрос об увеличении гарнизона Абаканского острога, который прежде красноярские служилые люди успешно бойкотировали. В конечном счете им удалось ограничиться только посылкой туда одной сотни годовальщиков [7, с. 117, 125–131].

Все это усилило социальное напряжение, вызванное объявленной в 1717 г. первой подушной переписью, которую стали проводить на следующий год, и начали её ревизию в 1722 г. на основе новой подушной системы обложения. Переписали буквально всех служилых людей вместе с податными, была явная опасность сокращения штата и превращения многих казаков в тяглецов.

Как и во время первой «шатости», в разгар второй красноярские казаки стремились придать движению межсословный характер, привлечь ясачных, крестьян и посадских, страдавших от произвола воеводы. То есть корпоративные узкосословные интересы, по аналогии с первой «шатостью», проводились через общенародный антикоррупционный протест.

В социальном конфликте 1716–1722 гг. «местная служилая власть» руководствовалась принципами корпоративной этики. Г. Ф. Быконя выделяет в правовом положении служебного населения два компонента – служебный и частный. Служебный компонент, или по-другому «функционально-должностной статус», включает объем прав и обязанностей, связанных со

служебной деятельностью. Частный компонент представляет собой их общий гражданский корпоративный статус вне служебных полномочий. До установления абсолютизма эти два компонента были взаимосвязаны и в основном совпадали [5, с. 44–45]. Казачество коллективно обсуждало злободневные вопросы на войсковом кругу. Для решения насущных вопросов казаки нередко собирались на городской площади. Например, «...**ходили на площадь, которая у башни, что в малом городе.** И у той башни стояли на площади и говорили меж собой о де вышеописанном на него Дмитрие Зубова...»¹. При принятии какого-либо решения действовал принцип общности мнения: «...И после де их, вскоре пришел на площадь фискал Герасим Климовской, и Илья де Нашивошников **со всеми служилыми людьми** послали его к нему, Дмитрию, велели ему сказать, что де на него **они** в обидах челобитчики...»² (выделено нами. – Ч. А.). Отправка восставшими челобитчиков к губернатору в Тобольск свидетельствовала о наличии общих денежных средств, в сборе которых они признавались на допросах.

Стремление и право служилых людей самостоятельно отстаивать свои профессиональные решения и действия вопреки некомпетентным решениям воеводской власти отчетливо просматривается в конфликте по поводу строительства Саянского острога. Так, «...**они служилые люди сказали, что на назначенном месте по чертежу крепость строить неудобно...**»³. Солидаризуясь с Ильей Нашивошниковым в профессиональном решении о месте строительства Саянского острога, сын боярский Тимофей Ермолаев, посланный обследовать указное место, подтверждал: «...**то место явилось плохо, потому что место увалистое, и городу быть здесь нельзя и лесу в близости нет, и от иноземцев ухраниться невозможно...**»⁴ (выделено нами. – Ч. А.).

Служилые люди самовольно перенесли место для строительства острога, не выполнили весь пояс укреплений, включающий ров, надолбы и раскаты. Руководитель движения Илья Нашивошников по своей воле отпустил из крепости с годовой службы людей, а указ с планом губернатора Матвея Гагарина якобы уничтожил. Городские казачьи дети, уехав по домам, отказались возить «слан» – жерди. Массово они не явились и на смотр для набора в пешую службу. Кроме того, служилые проявили неповиновение и не дали денщиков для воеводы Дмитрия Зубова.

Казачество, принимавшее участие в социальном конфликте на стороне Ильи Нашивошникова, не было единодушным. Как и во время первой «шатости», несмотря на корпоративную сословную этику, красноярское казачество в силу экономических, служебных, морально-нравственных и личностных факторов распалось на два враждующих между собой лагеря. Неравное социально-экономическое положение казачества усиливало противоре-

¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 43.

² Там же. Л. 45–45 об.

³ Там же. Л. 18

⁴ Там же. Л. 53–53 об.

чия внутри служилой корпорации, между старшинами – дворянами с детьми боярскими и рядовыми казаками, а также внутри этих служилых разрядов.

В свою очередь воеводы, как правило, опирались на зажиточную и служебную верхушку войска, не брезгая подхалимами – «ушниками». Таким образом, в социальных конфликтах острее проявляется «проблема внутренних противоречий в служилом мире» [1, с. 154]. Старшины, поддерживавшие воеводу, в итоге рассчитывали получить статус российских дворян московского списка, однако Петр I вскоре обманул их ожидания, приравнял их к дворянам сибирского списка, серьезно сократив их численность, переведя не вошедших в штат – в налогоплательщики.

В ходе этого движения служилые люди явно расширили функции местного неофициального самоуправления, нередко самостоятельно решая локальные вопросы.

В итоге казачье войско, консолидировавшись с ясачным населением, достигло своей цели. Острог был поставлен недалеко от Саян с учетом профессионального мнения войска. Коменданта Дмитрия Зубова отстранили от управления Красноярском. Следует отметить, что желание восставших заменить воеводу-лихоимца прежним воеводой Василием Козловым объективно свидетельствовало о неспособности понять, что злоупотребления на местах были проявлением порочности всей тогдашней системы власти.

Начиная с XVI в. Сибирь шаг за шагом включалась в состав Российского государства. И чем дальше на восток продвигалась правительственная и народная колонизация сибирской окраины, тем отчетливей ощущался витающий в воздухе дух свободолюбия и независимости.

Таким образом, наряду с общими моментами, в период Второй Красноярской «шатости», в отличие от «шатости» XVII в., резко возросли служебные тяготы и сословная нестабильность, связанные с податной реформой. Красноярское казачество, учитывая опыт первой «шатости» и опираясь на право самоуправления, пыталось легализовать двоякую тактику для защиты своих узкосословных интересов. Протест против служебных тягот, нарушения и отказ от дополнительных обязанностей и принудительных переселений в пограничную зону служилые прикрывали борьбой против традиционных злоупотреблений местного корыстолюбивого воеводы. Восставшие пытались придать движению межсословный характер. Они, проявляя юридическую грамотность, изящно отметили имеющиеся определенные основания обвинения воеводы в государственной измене, прямом нарушении указов верховной власти, должностных обязанностей вплоть до государевых решений.

Список литературы

1. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь XVII в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 399 с.
2. Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды) : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск : 2016. 438 с.
3. Бахрушин С. В. Научные труды. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1959. Т. 4. 257 с.

4. *Бородаев В. Б.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 416 с.
5. *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в.: демографо-сословный аспект. Красноярск : КГПУ, 2015. 414 с.
6. *Быконя Г. Ф.* Кто основал Саянский острог – Илья Нашивошников или Илья Суриков? // Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование : сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 295-летию Саян. острога. Шушенское, 2014. С. 30–55.
7. *Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : СО РАН, 1981. 248 с.
8. *Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р.* Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в. Барнаул : Аз Бука, 2006. 188 с.
9. *Зольникова Н. Д.* Челобитная красноярских служилых людей 1702 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 258–262.
10. *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.
11. *Никитин Н. И.* О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII вв. // Ист. зап. 2016. № 16. С. 172–233.
12. *Оглоблин Н. Н.* Красноярский бунт 1695–1698 гг. (К истории народных движений XVII в.) // Журн. м-ва народ. просвещения. Ч. CCCXXXV (№ 5), отд. 2. СПб., 1901. С. 25–69.
13. *Чернышева А. А.* Социальный состав участников малоизученного народного движения в Приенисейском крае во втором десятилетии XVII в. // VIII Краеведческие чтения «Россия – Сибирь – Красноярский край». Красноярск, 2017. С. 72–79.
14. *Шерстобоев В. Н.* Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII в. Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. 1 т. 596 с.

Features of Cossack Self-Government in Eastern Siberia in the Late XVII – First Quarter of the XVIII Century (by Example of The First Krasnoyarsk «Shatost» and the Second Krasnoyarsk «Shatost»)

A. A. Chernysheva

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev,
Russian Federation*

Abstract. Siberia, with its endless open spaces and natural resources, was considered by the supreme power as an unconditional patrimony. Cossacks and governors were used as a support with the help of which the central government conducted its policy. But, from time to time, in the chain of “supreme power-local power-worldly organizations” there were failures. The local authorities, although interested in serving the Cossacks, very often came into conflict with him. Service people protected themselves, their own class interests and corporate rights, and not only from the claims of the greedy governor. Decisions of the supreme power, contradicting and damaging the class interests of the Cossacks, demanded great flexibility and considerable courage to protect them. On this basis, social conflicts occurred “smoothly” developing into revolts, protest movements. The article discusses the socio-political movements of the end of the XVII – the first quarter of the XVIII centuries, of which The Second Krasnoyarsk “shatost” of 1716–1722, almost unknown to science, was a clash between the serving Cossacks and the local authorities in the person of a dashing Dmitry Zubov. It was during periods of social tension, when the antagonism of the opposing sides reached the highest limit, that tendencies to-

wards the self-government of the serving Cossacks are most clearly observed. The dialectic of the Cossack self-government is analyzed, often replacing the self-government of other classes. The complication of the relationship between the local administration and the service army and their peculiarities in the context of Peter's reforms and the emerging absolutism are shown.

Keywords: cossack self-government, The Second Krasnoyarsk “shatost”, tactics, absolutism, servicemen, voevoda.

For citation: Chernysheva A.A. Features of Cossack Self-Government in Eastern Siberia in the Late XVII – First Quarter of the XVIII Century (by Example of the First Krasnoyarsk “Shatost” and the Second Krasnoyarsk “Shatost”) . *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 28, pp. 6–16. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.28.6> (in Russian)

References

1. Alexandrov V.A., Pokrovsky N.N. *Vlast i obshchestvo. Sibir XVIIv.* [Power and Society: Siberia in the XVII century]. Novosibirsk, Science. Sib. Separation Publ., 1991, 399 p. (in Russian)
2. Barakhovich P.N. *Sluzhiloie haselenie Tsentralnoq Sibiri v XVII stoletii (Eniseiskii I Krasnoyarskii uezdy)* [The serving population of Central Siberia in the XVII century (Yenisei and Krasnoyarsk counties). Cand. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2016, 438 p. (in Russian)
3. Bakhrushin S.V. *Nauchnye Trudy* [Scientific works]. Moscow, Acad. Sciences USSR Publ., 1952-1959, vol.4. , 257 p. (in Russian)
4. Borodaev V.B., Kontev A.V. *Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdureche v 1620-1720gg.* [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yeniseiinterfluve in 1620–1720]. Barnaul, ASPU Publ., 2015, 416 p. (in Russian)
5. Bykonya G.F. *Kazachestvo I drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX veka: demografo-soslovnyi aspekt* [The Cossacks and other service population of East Siberia in the XVIII – early XIX centuries (a demographic-estate aspect)]. Krasnoyarsk, KGPU Publ., 2015, 414 p. (in Russian)
6. Bykonya G. F. Kto osnoval Sayanskii ostrog – Ilya Nashivoshnikov ili Ilya Surikovym? [Who founded the Sayan burg - Ilya Nashivoshnikov or Ilya Surikov?]. *Drevnie poseleniya Sibiri: ohrana, sohranenie, ispolzovanie* [Ancient settlements of Siberia: protection, preservation, use: Proceedings of Scientific and Practical Conf/, dedicated 295th anniversary of the Sayan. jail]. Shushenskoe, 2014, pp. 30-55. (in Russian)
7. Bykonya G.F. *Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraya v XVIII v.* [Settlement of the Cis-Yenisey Region by the Russians in the XVIII Century]. Novosibirsk, RAS publ., 1981, 248 p. (in Russian)
8. Goncharov Yu.M., Ivonin A.R. *Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI- nachala XX vv.* [Essays on the history of the city of Tara of the end of the XVI - early XX centuries]. Barnaul, Publishing House Az Buka Publ., 2006, 188 p. (in Russian)
9. Zolnikova N.D. Chelobitnaya krasnoyarskikh sluzhilyh ludei 1702 [Chelobitnaya Krasnoyarsk service people in 1702]. *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost, literature perioda feodalizma* [Public consciousness, literacy, literature of the period of feudalism]. Novosibirsk, 1990, pp. 258-262. (in Russian)
10. Minenko N. A. *Severo-Zapadnaya Sibir v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [North-western Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. Separation, 1975, 308 p. (in Russian)
11. Nikitin N.I. O sotsialnoi priroda kazachih soobshchestv XVI–XVII v. [On the social nature of the Cossack communities of the XVI–XVII centuries]. *Ist. zapiski* [Hist. notes], 2016, no. 16, pp. 172-233. (in Russian)
12. Ogloblin N. N. Krasnoyarskii bunt 1695-1698 (k istorii narodnyh dvizhenii XVII v.) [The Krasnoyarsk riot of 1695–1698 (To the history of popular movements of the XVII century.)]. *Zhurn. m-va narod.prosveshcheniya* [Journ. m-va people. enlightenment]. SPb, part CCCXXXV (no. 5), Dep. 2, 1901, pp. 25-69. (in Russian)

13. Chernysheva A.A. Sotsialnyi sostav uchastnikov maloizuchennogo narodnogo dvizheniya v Prieniseiskom krae vo vtorom desyatiletii XVII v. [The social composition of participants in the little-known popular movement in the Yenisey Territory in the second decade of the 17th century]. *VIII Kraevedcheskie chteniya «Possiya- Sibir- Krasnoyarskii krai»* [VIII Local Lore Readings “Russia – Siberia – Krasnoyarsk Territory”]. Krasnoyarsk, 2017, pp.72-79. (in Russian)

14. Sherstoboev V.N. *Pashnya Ilimskogo voevodstva XVII I nachala XVIII veka* [The ploughed fields of Ilimsk of the XVIIth and Beginning of the XVIIIth Century]. Irkutsk, Irkut. region state publishing house Publ., 1949, vol. 1, 596 p. (in Russian)

Чернышева Арина Александровна

аспирант

Красноярский государственный педагогический университет им.

В. П. Астафьева

Россия, 660049 г. Красноярск, ул. Ады

Лебедевой, 89

учитель истории

МБОУ Средняя школа № 97 г. Красноярск

Россия, 660012, г. Красноярск,

ул. Матросова, 12в

тел.: 8(913)519-56-26

e-mail: Arina.4ernisheva@mail.ru

Chernysheva Arina Alexandrovna

Postgraduate

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev

89, Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 664049,

Russian Federation

Teacher of History

Secondary School N 97 of Krasnoyarsk

12v, Matrosov st., Krasnoyarsk, 660012,

Russian Federation

tel.: 8(913)519-56-26

e-mail: Arina.4ernisheva@mail.ru